

Я-КОНЦЕПТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ САМООЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

© 2004 О.В.Кашкина

Воронежский государственный университет

На фоне многочисленных антропологических исследований в лингвистической науке представляется недостаточно изученным концепт, который составляет основу существования человеческой личности и позволяет ей ориентироваться в окружающем мире. Речь идет о Я-концепте, содержащем знание и представление личности о себе самой. Причиной малоизученности Я-концепта (ЯК) в лингвистике может быть его особенный статус в концептологии: большинство исследователей подчеркивают качественное отличие ЯК от других когнитивных конструктов, поскольку люди имеют о собственной личности более дифференцированное и многообразное знание, чем о любых иных информационных сферах [10, 35; 11, 56].

В рамках социально-когнитивной парадигмы ЯК трактуется как особая структура памяти, в которой представлена вся совокупность информации о личности и ее жизнедеятельности. Эта информация организована в информационные кванты и соотносится с различными контекстами (социальная принадлежность, межличностные отношения, профессиональная деятельность и пр.). ЯК содержит многообразную, порой противоречивую информацию с разной степенью универсальности и индивидуальности: в отношении одних контекстов информация универсальна почти для всех людей (обязательное наличие этнической, гендерной, возрастной характеристик), в отношении других - имеет универсальный внутригрупповой характер, в отношении третьих – строго индивидуальна (личный опыт, эмоциональная сфера и т.д.). Вопросы о расположении информационных квантов внутри ЯК и их взаимосвязях трактуются учеными по-разному [10, 19-22; 13, 49-55].¹

¹ Так, Маркус понимает ЯК как иерархично структурированную схему. Она содержит на высшем уровне когнитивные генерализации о себе, абстрагированные из единичного контекстно обусловленного прошлого опыта, который составляет низший уровень этой схемы. Абстрагированное знание влияет на переработку, селекцию и категоризацию новой информации, а также на ее интерпретацию и ассимиляцию

Охватить содержимое ЯК и с максимальной полнотой, понять личность – достаточно сложная задача, поскольку, как упоминалось выше, ЯК слишком многогранен, подчас внутренне противоречив, а самое главное, динамичен. Однако в процессе общения говорящий сам предоставляет возможность получить непосредственную, хотя и субъективную информацию о своем ЯК через самооценочные высказывания.

Согласно позиции Б.Ганновер [10, 78], самооценка представляет собой обязательный аффективный компонент ЯК, иными словами, это положительная или отрицательная оценка, сопровождающая когниции ЯК (ср. аналогичную позицию У.Канниг, К.Модашл). Это своего рода сплав дескриптивной и оценочной информации с различным соотношением этих двух составляющих: в холистических оценках превалирует оценочный компонент, в то время как в частных рациональных оценках наблюдается смещение в сторону дескрипции (ср. ‘Я хороший’, ‘Я замечательный’ и ‘Я трудолюбивый’, ‘Я быстро плаваю’).

Самооценочное высказывание лишь на первый взгляд имеет одну основную функцию – оценить определенный аспект личности. Однако роль таких высказываний в процессе общения гораздо глубже и не так однозначна в функциональном плане. Наряду с эвалюативной самооценочное высказывание выполняет информативную функцию, поскольку собеседнику сообщается о наличии у говорящего определенного признака, свойства или качества. Передаваемая информация сопровождается “авторской” интерпретацией этого признака,

под общую схему (цит. по [10,19]. В концепции Роджерса Я описывается, с одной стороны, как иерархичная категория, которая с возрастанием уровня становится абстрактнее, а с другой стороны, он трактует ЯК как список прототипичных самоописаний [10, 20]. Бауэр и Джиллиган рассматривают ЯК как узел в ассоциативной сети, в которой информация сохраняется в форме пропозиций, они соединяют Я с определенными предикатами. Эти предикаты могут содержать эпизодическую или генерализованную информацию, последняя связана ассоциативно с информацией другого рода [10, 20].

которая и задает определенный формат восприятия говорящего. На основании этого реализуется третья функция – контролирующая, регулирующая процесс общения. Следовательно, анализ самооценочных высказываний позволит установить, на какой стороне своей личности говорящий акцентирует внимание собеседника, как он относится к демонстрируемой части своего ЯК и какие языковые средства обеспечивают реализацию его интенции. Сказанное и составляет задачи настоящего исследования.

В данной статье делается попытка осветить наиболее значимые результаты практического исследования², в ходе которого анализировались самооценочные высказывания, извлеченные методом сплошной выборки из текстов интервью, опубликованных в центральных еженедельниках и газетах немецкой печати (“Spiegel”, “Focus”, “Stern”, “Zeit” и др.). Анализ был сконцентрирован на текстах интервью с представителями пяти профессиональных групп: 1) политики, 2) спортсмены, 3) предприниматели, 4) писатели, 5) актеры. Выбор таких групп обусловлен тем, что, в силу общественного характера своей профессиональной деятельности, представители названных групп постоянно испытывают повышенное внимание и интерес со стороны окружающих. Соответственно, то, каким образом они себя представляют, имеет большое значение. Наряду с общественным мнением, существенное влияние на самопрезентацию оказывают внутригрупповые особенности. Сопоставление самооценочных высказываний представителей обозначенных групп позволит установить степень внутригруппового влияния на предмет самооценки. Отобранные из интервью 803 самооценочных высказываний подверглись в дальнейшем количественному, семантико-синтаксическому, функционально-семантическому, компонентному и другим видам анализа. Затем изучалось влияние гендерного и профессионального факторов на особенности языковой реализации предмета самооценочных высказываний.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать следующие обобщения.

Диапазон предмета самооценки очень широк и затрагивает самые разные аспекты жизнедеятельности личности: от поведения и ха-

рактера до национальности и вероисповедания. Поскольку в рамках данной статьи не представляется возможным описать все зафиксированные группы предметов самооценочных высказываний, внимание концентрируется на двух наиболее частотных группах предмета самооценки: профессиональной деятельности и чертах характера.

Профессиональная деятельность как предмет самооценки оказалась наиболее частотной в группе политиков (28% м и 35% ж³):

1. (политик/ж) *Merkel: Ich bin nicht blauäugig, was die Aufgaben einer Vorsitzenden angeht.* (Zeit 19’00/4),

2. (политик/м) *Özdemir: ... Das habe ich ja auch brav jeden Monat getan. Darüber hinaus gehende Verpflichtungen bin ich nicht eingegangen.* (Spiegel online 21.07.02)

предпринимателей (32% м и 22% ж):

3. (предприниматель/м) *Sudhoff: Ja, ich führe den Betrieb wie ein Familie.* (Zeit 21’00/11)

и спортсменов (29% м и 20% ж):

4. (спорт/м) *Strunz: Dadurch geriet mein Image in einen negativen Sog. Ich erschien wie der arbeitsunwillige Profi schlechthin, der ich nicht war und nie sein werde.* (Focus 36’98/198).

Отмечено параллельное влияние гендерного фактора на частотность предмета самооценки в группе спортсменов и предпринимателей. Так, если мужчины-спортсмены и мужчины-предприниматели чаще оценивали свою профессиональную деятельность, то у женщин-спортсменок самый частотный предмет – черты характера (41%):

5. (спорт/ж) *Witt: .. Ich bin von Natur aus ein egoistischer Mensch.* (Zeit 23’00/16),

а у предпринимательниц – внешность (33%):

6. (предприниматель/ж) *Effenberg: Nein, ich kann ja auch charmant sein.* (Stern 32’00/140)

Обнаруженные тенденции можно объяснить тем, что каждая профессиональная группа связана с определенным стереотипом, который предписывает, каким должен быть представитель данной профессии. В некоторых профессиональных группах давление стереотипов настолько ярко выражено, что личность стремится с максимальной полнотой вписаться в стереотипный образ, поскольку несоответствие ему может спровоцировать отрицательное отношение к лично-

² За рамки данной статьи сознательно выносятся целый ряд вопросов, связанных с исследуемой проблемой, в частности, особенности функционирования прономинальных средств в роли субъекта самооценки, функции средств интенсификации и деинтенсификации самооценки, а также некоторые другие вопросы, которые требуют отдельного рассмотрения.

³ Буквы ‘м’ и ‘ж’ обозначают соответственно показатели в группе мужчин и женщин.

сти, как со стороны других групп, так и со стороны своей собственной. Сказанное наиболее присуще политической, предпринимательской и спортивной сферам, где во главе угла стоит практическая деятельность и ее результативность. Поэтому высокая частотность такого предмета самооценки представляется неслучайной. Следует отметить, что названные профессиональные группы отличаются не только сильной ориентацией на профессиональную деятельность, но и наличием внутригрупповой конкуренции, стремлением к лидерству. Этот факт может отчасти объяснить очень высокий процент положительных самооценок в данных группах. Кроме того, названные профессии исторически считались прерогативой мужчин, возможно, поэтому стереотипные представления оказывают на них большее влияние, что и объясняет более высокую частотность положительных оценок своей деятельности и действий в этой гендерной группе.

В отличие от политиков, предпринимателей и спортсменов в группах писателей (22% м и 17% ж) и актеров (33% м и 32% ж) лидирующим оказался такой предмет самооценки, как черты характера, что показательно и для мужчин, и для женщин:

7. (писатель/ж) *Lind: Ich möchte diese Erfahrung nicht missen, denn ich bin von Natur aus schrecklich neugierig und lasse keine Gelegenheit aus, neues Terrain kennen zu lernen.* (Stern 37'99/234)

8. (актер/м) *Bennet: ... Naiv bin ich ja immer noch, aber nicht so naiv.* (Spiegel 38'00/248)

Примечательно, что в этих группах преобладание положительных самооценок над отрицательными незначительно и составляет около 10%. Более высокая, по сравнению с другими группами, частотность отрицательных самооценок может свидетельствовать об определенной независимости писателей и актеров от мнения окружающих, тем более, что все интервьюируемые – состоявшиеся на своем поприще личности, достигшие успеха и известности. Соответственно, представители этих профессий больше ориентированы на собственную личность, свой внутренний мир, чем на формирование и создание положительного образа.

Принадлежность автора самооценки к той или иной профессиональной и гендерной группе оказывает влияние не только на частотность определенного предмета самооценочного высказывания, но и на его языковое оформление. Самооценочное высказывание

строится по определенным языковым законам и обладает соответствующим прагматическим потенциалом, общая сила воздействия которого определяется особенностями функционирования как отдельных языковых элементов, так и их композицией.

При анализе языковой реализации предмета самооценки большое внимание следует уделять структурному типу предложения (субстантивному, адъективному, глагольному), поскольку, как показывают предыдущие исследования (см. подробнее [6, 50-52]), между предметом самооценочного высказывания и типом предложения⁴ существует тесная связь. Иллюстрацией названной тенденции могут служить следующие наиболее показательные результаты.

Так, для оценки профессиональной деятельности и себя в профессиональной роли предпочтение в подавляющем большинстве случаев отдавалось глагольному типу предложений (показатель по группам 60-70%).

9. (предприниматель/м) *Middelhof: Ich glaube, meine Kraft und mein Talent reichen aus, Bertelsmann weiterzuentwickeln.* (Spiegel 47'98/94)

Встречались также и адъективные предложения (показатель по группам 15-20%):

10. (предприниматель/м) *Mauss: Ich war immer sehr flexibel in meinem Berufsleben.* (Stern 18'99/246)

Относительно редки субстантивные предложения (показатель по группам 5-10%):

11. (писатель/ж) *Fried: Ich bin nun einmal kein literarisches Genie.* (Focus 20'98/194)

Подобное количественное распределение структурных типов предложений неслучайно и, очевидно, наилучшим образом способствует реализации интенции говорящего – оценить тот или иной аспект своей деятельности.

Предпочтение глагольных предложений другим структурным типам в нашем материале можно объяснить в первую очередь с позиции грамматической семантики глагола. Во-первых, глагол обозначает большей частью динамический признак, что обуславливает восприятие адресата таким образом, что соот-

⁴ В качестве критерия разграничения структурных типов предложений на глагольные, субстантивные и адъективные выступает часть речи, функционирующая как простое или составное именное сказуемое. В первом типе предложений как функциональная, так и смысловая части сказуемого выражены глаголом. Во втором и третьем типах составное именное сказуемое состоит из глагола-связки sein и существительного или прилагательного соответственно [8, 521-523].

ветствующая оценка воспринимается им как приложимая только к определенному временному отрезку, то есть как неконстантная [4, 21]. Соответственно и высказывание приобретает невысокую степень категоричности. Во-вторых, среди проанализированных СВ были обнаружены глагольные предложения различных типов, позволяющих говорящему оценить либо широкий спектр действий без вычленения отдельных аспектов, либо некий узкий аспект своей деятельности (о таксономии и особенностях функционирования глагольных предложений, используемых для оценки деятельности человека, см. подробнее [4, 21-22]). Для решения первой задачи использовались предложения, конституирующиеся провербом “делать”:

12. (политик/м) *Schröder: Was wir tun, ist richtig. Und deshalb werden wir es tun.* (Focus 46'01/33), а для оценки отдельных действий говорящий избирал глагольные предложения с глаголом конкретной семантики, именуящим определенный род/ вид/ тип/ аспект деятельности человека (ср. [5, 20-21]).

13. (политик/м) *Stoiber: Ich habe ehrlich gearbeitet.* (Focus 41'01/33).

Низкая частотность субстантивных предложений также объясняется грамматической семантикой и прагматическим потенциалом, которые свойственны предложениям этого структурного типа.

Как и следовало ожидать, для оценивания той или иной черты своего характера представители всех групп предпочитали адъективный тип предложения (70-80%), что вполне соотносится с грамматической семантикой данного типа предложений: адъективный предикат приписывает субъекту константный признак, а черты характера, как известно, также являются достаточно константными свойствами личности.

14. (политик/м) *Künast: .. Ich bin hartnäckig.* (Stern 25'01/164)

15. (предприниматель/м) *Wiedeking: ..Ich bin verlässlich.* (Stern 46'00/222)

16. (актер/м) *Kroetz: Ich bin feige.* (Stern 37'99/62)

Наряду с количественным преобладанием адъективного структурного типа, хочется отметить относительно высокую для обсуждаемого предмета самооценки частотность субстантивных предложений и особо подчеркнуть разнообразие форм субстантивных предложений в зависимости от грамматического носителя оценочного признака, в роли которого выступало как само предикативное существительное:

17. (спорт/м) *Matthäus: Ich bin in der Familie ein Spaßvogel.* (Focus 9'01/76), так и подлежащее:

18. (политик/м) *Fischer: Meine Güte, Feigheit ist nun wirklich nicht mein Problem.* (Spiegel 14'98/34),

а также атрибут субстантивной группы, языковая реализация которого вариативна и вербализовывалась прилагательными, причастиями, и определительными придаточными:

19. (спорт/м) *Effenberg: Ich bin bestimmt kein nachtragender Typ, der immer wieder Dinge aus der Kiste holt, die Jahre zurückliegen.* (Spiegel 42'98/196)

Специфика субстантивного предложения позволяет говорящему приписать себе не только отдельную черту или свойство, но целый набор признаков и поведенческих особенностей и сконцентрировать внимание собеседника на константных особенностях поведения, которые обусловлены этой чертой характера. Это оказывается возможным, поскольку в субстантивном предложении субъект причисляется к определенному классу, который вычленяется на основании не одного, а целого набора постоянных признаков:

20. (спорт/м) *Matthäus: Ich bin kein Feigling.* (Focus 9'01/76)

Последний пример оформлен отрицательным предложением. Самооценочные высказывания такого типа заслуживают особенного внимания. Их повышенная частотность (в среднем 25%) поднимает вопрос о том, почему говорящий сообщает об отсутствии в ЯК определенного признака или свойства, настолько ли важно личности подчеркнуть, что данное свойство ей не присуще, или же отрицательные Я-высказывания выполняют иную роль.

В логике отрицательное высказывание часто рассматривается как противоположность позитивному [14, 216-217]. Однако с позиции лингвистов отрицательные высказывания интерпретируются не столь однозначно [1, 334]. Так, В.Кёллер рассматривает отрицание как сложную мыслительную операцию, которая теоретически представляет собой два действия. Первое состоит в проецировании с помощью языковых знаков определенного представления (я - глупый), которое затем на метауровне квалифицируется как несоответствующее действительности (я неглупый) [12, 201]. И, как подчеркивает В.Кёллер, данная проекция, хоть и отрицается, но играет важную роль – она задает определенный масштаб, позволяющий интерпретировать данную ситуацию [12, 206]. Предпочтение столь опосредованной репрезентации действительности указывает на то, что

отрицательные высказывания помимо передачи установки говорящего (истинности/ложности) имеют важные в коммуникативном отношении прагматические мотивы.

Сходную точку зрения разделяет П.Поленц. Он видит в качестве основной цели отрицания противостояние соответствующему позитивному высказыванию, которое реально или потенциально существует в предшествующем контексте или ситуации⁵ и описывает следующие прагматические задачи отрицательных высказываний: 1) отражение обвинений или нападок; 2) запрет выполнения каких-либо действий; 3) предупредительная защита от возможной критики [14, 217]. Наряду с описанными Поленцом задачами важной представляется особая функция отрицательных высказываний, выделенная В.Кёллером. Он подчеркивает, что с помощью отрицания говорящий может сигнализировать о существовании феноменов, которые не так просто назвать и, тем самым, осмыслить [12, 201]. Рассмотренным типам отрицательных высказываний П.Поленц противопоставляет высказывания, в которых, с его точки зрения, отрицание выступает как стилистическая фигура (литота). Подобные высказывания не обладают прагматическим потенциалом описанных выше отрицательных высказываний. В них, с позиции Поленца, происходит опосредованное оязыковление мыслимого предиката через отрицание обратного. Например, признак 'schön' реализуется как 'nicht häßlich', 'dumm' - как 'unklug'. П. Поленц видит смысл такой формы репрезентации действительности не в необходимости корректировки, а в других мотивах – вежливости и другой ситуативной необходимости снижения категоричности высказывания [14, 218].

Особая значимость высказываний с отрицательными морфемами подтверждается и настоящим исследованием. Его результаты свидетельствуют о том, что таким способом гораздо чаще оформлялись положительные самооценки (средний показатель колеблется между 80% и 95%), чем отрицательные. Характерно, что в отношении черт характера

этот показатель значительно выше (85%-90%), а в отношении профессиональной деятельности несколько ниже (65%-85%).

Установлено существенное совокупное влияние профессионального и гендерного фактора на частотность такой языковой формы самооценочного высказывания. Помимо того, что частотность отрицаний в группе политиков значительно превышает соответствующие показатели других профессиональных групп, среди самооценок женщин-политиков этот тип встречается более часто, чем у мужчин - 54% (ж) и 22% (м) (деятельность):

21. (политик/ж) Merkel: *Ich bin nicht blauäugig, was die Aufgaben einer Vorsitzenden angeht.* (Zeit 19'00/4)

и 48% (ж) и 16% (м) (характер) высказываний с отрицанием:

22. (политик/ж) Merkel: *...Mit Sicherheit bin ich nicht unergeizig.* (Stern 30'00/43)

Более подробный анализ общих функций отрицательных высказываний показал, что в 65% подобных высказываний можно рассматривать как литоту, понимаемую вслед за П.Поленц. Отрицательные морфемы в самооценочных высказываниях такого типа использовались с целью снижения категоричности высказывания (см. пример 11, 21, 22). 25% отрицательных высказываний были реакцией интервьюируемого на реплики журналиста, содержащие критику и резкую отрицательную оценку в адрес интервьюируемого. В данных ситуациях использование отрицательных высказываний имело своей прагматической задачей отражение обвинений или нападок журналиста (см. пример 2, 6, 19, 20). 10% отрицательных высказываний представляются предупредительной защитой интервьюируемого от возможной критики со стороны журналиста, поскольку такой тип высказываний был зафиксирован в интервью, в которых журналист имплицитно создавал негативный контекст вокруг имени интервьюируемого (см. пример 4, 18).

Продемонстрированные результаты подчеркивают важность вопросов об особенностях функционирования различных видов отрицательных морфем (*nein, nicht, kein, un-*) и их особое значение в самооценочном высказывании. Они составят предмет отдельного исследования.

В роли носителей оценочной семантики в самооценочных суждениях чаще всего выступали квазиоценочные прилагательные и наречия. Повышенная частотность прилагательных и наречий в роли носителя оценоч-

⁵ Наличие реального или потенциального (т.е. предполагаемого или выводимого из контекста) позитивного высказывания П.Поленц аргументирует действием максим общения Грайса, в частности, принципом количества. Смысл и необходимость отрицательного высказывания будет непонятен коммуникантам, если это высказывание не инициируется и не коррелирует с соответствующим позитивным высказыванием (контекстом) [14, 217]

ного признака неслучайна и объясняется основной грамматической функцией этих частей речи – обозначать признак предмета и признак действия [9, 253-254, 357]. Высокую встречаемость частнооценочных и квазиоценочных лексем и относительно низкую частотность общеоценочных единиц можно объяснить с семантической и с прагматической позиций. С точки зрения семантики общеоценочные лексемы мало информативны, они сообщают лишь о принадлежности соответствующего объекта к зоне плохого или хорошего. При этом часто остается неясным, на какую систему ценностей и норм ориентируется говорящий, причисляя соответствующий объект оценки к классу плохого или хорошего (ср. наблюдения [7, 184-185]; [2, 105-116]).

Частнооценочные и квазиоценочные лексемы более информативны: в них оценочная информация сочетается с дескриптивной, они соответственно дают возможность получить более конкретное представление о человеке (ср. *Ich bin ein guter Mensch*, где *gut* – общеоценочная лексема, и *Ich bin verlässlich*, где *verlässlich* – частнооценочная лексема) [3, 88].

С точки зрения прагматики высказывания, обозначенные типы лексем по-разному участвуют в формировании категоричности высказывания. Общеоценочные лексем способны придавать высказыванию большую категоричность, чем частнооценочные, а последние, в свою очередь, большую, чем квазиоценочные, поскольку в них с разной степенью эксплицитности и интенсивности выражен оценочный признак. Так, понятие “хороший человек” подразумевает наличие у соответствующего лица целого набора положительных качеств, в то время как признак «трудолюбивый», хоть и является положительным, но может быть приписан и злодею, и подлецу. Поскольку социокультурные и коммуникативные нормы не всегда поощряют высказывание самооценки, то говорящий, вынужденный в силу различных обстоятельств оценивать себя, предпочитает языковым средствам, которые усиливают категоричность высказывания, единицы, снижающие категоричность.

В заключении в качестве обобщения и одновременно материала для размышления хотелось бы отметить следующее. Частотность предмета самооценки обусловлена многими факторами, среди которых главными являются: 1) общественный характер профессиональной деятельности, который определяет постоянную доступность опреде-

ленных информационных квантов ЯК (профессиональная деятельность) и 2) конкретный контекст, т.е. информация, подаваемая журналистом, и активирующая у интервьюируемого определенные зоны ЯК (как правило, сведения о чертах характера) и провоцирующая самооценку.

Характер же самооценки, положительный или отрицательный, зависит от таких факторов, как 1) ориентация на публику и поддержание своего имиджа, 2) самой профессиональной деятельности, от степени ее стереотипизованности, т.е. насколько полно она позволяет говорящему показывать свою личность, раскрывая не только положительные, но и отрицательные качества.

Особенности языковой реализации самооценочного высказывания – выбор структурного типа предложения, позитивного или отрицательного высказывания, тех или иных лексических единиц с оценочной семантикой, разнообразных средств интенсификации и деинтенсификации оценки – определяются дискурсивными факторами, которые характеризуют конкретную ситуацию общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н.. Концептуальные основы отрицания в языке / Н.Н. Болдырев //Филология и культура. - Тамбов, 2003. - С. 334-338
2. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н.Н. Болдырев // С любовью к языку: Сб. науч.трудов. - Москва-Тамбов, 2003. - С. 103-114
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. - М., 1986. – 227 с.
4. Гришаева Л.И. Оценка деятельности в прагматическом ракурсе / Л.И. Гришаева //Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании: Сб. науч.трудов. - Воронеж, 1995. - С. 17-26
5. Гришаева Л.И. Прагматика именованная деятельности человека / Л.И. Гришаева // Тверской лингвистический меридиан, Вып. 4; Сб. под ред. И.П.Сусова. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2003. - С.16-26
6. Гришаева Л.И., Кашкина О.В. Кросс-культурное прагмалингвистическое исследование русских и немецких языковых средств выражения самооценки личности / Л.И. Гришаева, О.В. Кашкина // Социокультурные проблемы перевода. - Воронеж, 1998. - С. 47-58

7. Хэар Р.М. Описание и оценка / Р.М. Хэар // НЗЛ, Вып.16. - М., 1985. - С.183-195

8. Brinkmann, Hennig. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1971. S. 521-523.

9. Duden-Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, 1995. 834 S.

10. Hannover, Bettina. Das dynamische Selbst. Die Kontextabhängigkeit selbstbezogenen Wissens. Bern: Verlag Hans Huber, 1997. 179 S.

Kannig, Uwe P. Selbstwertmanagement. Die Psychologie des selbstwertdienlichen Verhaltens. Göttingen: Hogrefe Verlag, 2000. 307 S.

11. Köller, W. Philosophie der Grammatik: vom Sinn grammatischen Wissens. Stuttgart: Metzler, 1988. S.200-225

12. Moldaschl, Karoline. Die weibliche Unterrepräsentanz in Führungspositionen. Das weibliche Selbstkonzept als mögliche Ursache, hrsg. von Ursula Floßmann, Universitätsverlag R.Trauner, Linz 1999, 178 S.

13. von Polenz, Peter. Satzsemantik. – Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. Gruyter, Walter de GmbH, 1988. S.216-218